

ИСТОРИИ

Каково быть российским политиком в 2022 году? В этом вообще есть смысл? И зачем оставаться в стране, где власти открыто уничтожают оппозицию? Рассказывает Юлия Галямина

09:16, 26 июля 2022 · Источник: Meduza

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

Российские власти продолжают уничтожать оппозицию (и так фактически разгромленную незадолго до начала войны). Только за последний месяц московского муниципального депутата Алексея Горинова приговорили к семи годам колонии за то, что он назвал войну войной; Хельгу Пирогову — депутата из Новосибирска — вынудили уехать из страны под угрозой уголовного преследования; Илью Яшина отправили в СИЗО по уголовному делу о «фейках», возбужденному из-за высказываний о военных преступлениях россиян в Буче. О том, как в такой ситуации продолжать заниматься политикой (и оставаться в России), «Медуза» поговорила с Юлией Галяминой.

— **Ты находишься в Москве?**

— В данный момент на даче, а вообще в Москве, да.

— **Почему не уехала из России?**

— Я считаю, что для политика очень важно оставаться в стране — иначе он перестает им, политиком, быть. Это общественные соображения. А личные соображения такие: в любом другом месте я не буду счастливым человеком.

Еще один очень важный момент — на мне условный срок. Если я уеду, то не вернусь никогда. Точнее, так: пока Путин у власти, въехать обратно я не смогу. Может, я бы поддалась какой-то панике и уехала, что называется, «на время» — но для меня нет временного выбора, а есть именно что навсегда.

— **Учитывая аресты коллег — Ильи Яшина, Алексея Горинова, — не страшно, что в любой момент за тобой тоже могут прийти?**

— Прийти могут, это правда. С этим уже ничего не сделаешь.

— **Ты ходила к Яшину и Горинову на суд?**

— К Яшину не могла физически, меня тогда в городе не было. К Горинову ходила — правда, в какой-то момент прошел слух, что меня ищут менты, пришлось ретироваться из зала Мещанского суда на улицу.

— **Что ты чувствовала на заседании по делу Горинова?**

— Это очень тяжело — смотреть на человека, которого на столько лет сажают за решетку. Его очень жалко, ему хочется помочь, а сделать ты ничего не можешь — полное бессилие.

С другой стороны, я понимаю, что он сделал свой выбор сам, не надо из него делать жертву. Он был готов идти

в тюрьму, он не сбежал. Он сделал свой выбор — для себя. Потому что если сбежишь, то разрушишь все, что сделал до этого, и станешь политэмигрантом. Побег — это унижительно.

ДЕЛО ГОРИНОВА

Муниципальный депутат из Москвы Алексей Горинов называл войну войной. За это его приговорили к семи годам колонии «Медуза» рассказывает о первом реальном сроке по статье о «фейках»

— Ты сама какие-то меры предосторожности принимаешь?

— Я стараюсь не писать [в соцсетях] того, за что сразу могут забрать — не глядя и не разбираясь. Я стараюсь выбирать слова, когда пишу и говорю. Сдерживаю эмоции, использую только проверенную информацию. Скорее даже ту информацию, за которую если и посадят, то не сразу, дадут еще немножко пожить.

— Ты сама себя цензурируешь?

— Да, я сама себя цензурирую. Есть какие-то вещи, которые я хотела бы написать, но уже не напишу.

Я понимаю, что это минус моего нахождения в России, но тех, кто уехал и пишет, не сдерживая себя, довольно

много. Поэтому информация у людей есть, ее достаточно, а вот каких-то оценок и понимания не хватает. А я могу создавать ценностную опору и ценностное понимание того, как должно быть.

— **Тебе часто бывает страшно?**

— Нет, практически никогда. Слушай, страх — это такая штука, которая возникает из-за неизвестности. Я более-менее понимаю, как и что устроено, что и откуда мне грозит. Мне, конечно, не хочется каких-то испытаний — прежде всего из-за моего здоровья, потому что я не очень здоровый человек. Но бояться уже бессмысленно.

КАК ПРЕСЛЕДУЮТ ПОЛИТИКОВ. ОДИН ПРИМЕР

«Между страхом и возможностью что-то сказать выбираю второе» После начала войны новосибирский депутат Хельга Пирогова открыто поддержала Украину, теперь на нее завели дело по личному требованию Бастрыкина. Вот ее история

— **Что сейчас может политик в России?**

— На самом деле мало что. Но сам факт присутствия в России — большая поддержка для людей. Я вижу это по тому, что мне говорят и пишут. Потому что людям одним страшно, им кажется, что они никем не представлены.

Что я могу физически? Я могу разговаривать со СМИ, могу делать обучающие проекты. Мы создаем сеть для активистов, которым тоже тяжело и страшно, но мы можем их поддерживать. И то, чем мы сейчас пытаемся заниматься, — это создавать и проектировать будущее.

— **А каким вы его видите?**

— Как ни странно это сейчас звучит, но будущее зависит от общества. Люди должны придумать свое будущее сами. Мы не можем дать им его готовым и сказать — вот, берите.

Мы это уже проходили в 1990-е, когда людей никто ни о чем не спрашивал, их просто поставили перед фактом, как им теперь жить, — и они сказали: «Это не наша жизнь, она нас не касается». Я по себе это очень хорошо помню: в 1993 году, когда [Борис] Ельцин расстрелял Белый дом, я сказала себе: «Ну и хрен с ним, я пошла, буду заниматься наукой, чем-то полезным, просто жить». Хотя за несколько лет до этого была хоть и школьницей, но очень политически активной. Некоторое время после 1993 года я, конечно, принимала какое-то участие в политической жизни, например ходила на акции против чеченской войны, но это было участие реактивное, а не проактивное.

И многие тогда думали так же — хотя до этого был подъем политической жизни, людей это по-настоящему интересовало. А потом их отсекли — вся эта система с 1993 года специально под это отсечение выстраивалась. Сейчас основная задача — вовлечь людей в процесс. Потому что придумать будущее технически можно, это сделают эксперты. Для этого просто нужны деньги, многие этим занимались — есть программы [Алексея] Навального, [Сергея] Гуриева. Он [Гуриев] все время какие-то передачи на эту тему делал. Но сам Гуриев потом говорил, что эти передачи никто не смотрит: потому что мнения людей никто не спрашивал и то, что показывали, им не близко и не интересно.

— Грубо говоря, вы хотите спросить людей, каким они видят будущее, и на основании их слов сделать модель?

— Да. Сделать модель, которая соответствует их представлениям. И это задача, я бы сказала...

— На миллион.

— Да, очень сложная. Есть прекрасный проект, он для меня как ориентир — Конституция в Чили. Его помогал разрабатывать Адам Кахане, экономист, автор книги «В команде с врагом». Для пост-Пиночетовской Конституции его команда отобрала 80 тысяч человек, которые принимали участие в обсуждении текста. И это

были случайные люди — разного социального статуса, убеждений, уровня жизни.

Обязательно будет такой период, когда все мы будем заново обустривать страну и окажется, что у нас нет согласия. И вот его поиск сейчас очень важен. Хотя не факт, что у нас получится.

— А тебе не кажется, что обсуждение таких проектов сейчас — это чистый идеализм?

— По-моему, только идеалисты меняют мир, потому что прагматики плывут по течению.

— Ты уже спрашивала у людей, каким они видят свое будущее?

— Слушай, мы пока находимся на этапе организации, но просто с людьми я, конечно, разговариваю.

И я прекрасно знаю, что сейчас люди с трудом говорят про будущее, потому что их оно пугает, для них это область отрицания, они живут сегодняшним днем, им хочется, чтобы никакого будущего вообще не было. Но как они хотят жить, в принципе понятно.

Я тут недавно вспоминала разговор с водителем, который меня вез в спецприемник, — это было в марте, когда вся байда только началась, мне дали месяц [за призывы к акциям]. Спецприемники были переполнены, нам пришлось ждать в очереди семь часов.

Водитель — а он, конечно, власть поддерживает, тут даже сомневаться нечего — говорит, что ему, вообще-то, главное, чтобы дети нормально росли и здоровыми были, а у него самого есть награда: он какую-то бабушку от преступника спас, а тот в него, вообще-то, стрелял. И он этим очень гордится.

То есть человек хочет быть нужным, хочет, чтобы у него была нормальная семья, и хочет гордиться своей страной и работой. И это нормальное человеческое желание, которое сейчас сложно правильно реализовать.

— У вас есть пошаговый план?

— Он пока разрабатывается. Мы хотим сделать выборку, поговорить с людьми, попросить их помечтать о будущем, посмотреть, что из этого выйдет, проанализировать и показать экспертам. Моя идея — но я не знаю, будем ли мы ее использовать, потому что над проектом не я одна работаю, — состоит в том, чтобы строить модель, исходя не из больших концепций, а ориентируясь на жизнь конкретных семей в конкретных поселениях.

Эта идея возникла после того, как [сопредседатель движения в защиту прав избирателей «Голос»⁽¹⁾] Стас Андрейчук написал прекрасный пост о городе Рубцовске. В этом городе нет никакой работы, кроме зоны, нет никакого личностного роста, образования, медицины.

Полтонны «трофеев» «Медуза» разыскала российских военных, отправлявших огромные посылки от границы с Украиной в Рубцовск. Именно в этот город идет большинство таких грузов

Хочется через жизнь отдельных поселений показать, как надо строить политические институты, чтобы они приводили к результату. И показывать, что ценность демократии не в самой демократии, а в том, что она дает более качественную жизнь.

Это нужно проговаривать с людьми так, чтобы они чувствовали свое участие. Может, мы что-то не так понимаем, неправильно видим. Например, такой простой вопрос: а люди вообще ждут чего-то от государства? Или они не хотят иметь с ним ничего общего? А им нужен в каждом городе университет? А что они считают хорошей жизнью? И так далее.

— Насколько я помню, ты раньше преподавала в РАНХиГС.

— Я там действительно преподавала, но мне предложили уволиться.

— На что ты сейчас живешь?

— Подрабатываю, даю уроки.

Ректор, который играл по всем правилам
Владимира Мау — главу РАНХиГС и одного из идеологов путинской экономики — посадили под домашний арест. «Медуза» рассказывает его историю

— Ты никогда не пыталась понять, как мы оказались в такой страшной точке?

— Я прекрасно понимаю, как мы дошли до этого этапа. Это произошло потому, что мы очень плохо относились к обществу и совсем не пытались его понять. Мы поздно начали вовлекать людей в общественную жизнь, а то, что оппозиция делала в начале 2000-х, было совершенно неправильным. Это породило негативное отношение к оппозиции, мы потеряли общий язык с людьми.

Только в 2017-м мы начали заниматься местной политикой и муниципальными выборами. То есть мы потеряли 10 лет, крича, какой плохой Путин. А людям нравился Путин, и говорить надо было совершенно о другом — надо было создавать какие-то альтернативы. Наверное, многое можно и нужно было делать по-другому.

— С кем из коллег ты сейчас общаешься?

— Многие муниципальные депутаты остались. Правда, уехала Хельга [Пирогова, муниципальный депутат

из Новосибирска], но что ей еще оставалось делать в такой ситуации — она же беременна. А остальные почти все на месте.

По большому счету мы общаемся и с теми, кто уехал. Но знаешь, очень заметно, как быстро они начинают отваливаться. Два-три месяца за границей — и они уже не чувствуют нерва событий. Не то что у них меняется мировоззрение, нет, но тратить ресурсы на то, что здесь казалось им важным, они не готовы. Какое общественное движение, когда самим выживать как-то нужно?

ИНТЕРВЬЮ С ХЕЛЬГОЙ ПИРОГОВОЙ

«Между страхом и возможностью что-то сказать выбираю второе» После начала войны новосибирский депутат Хельга Пирогова открыто поддержала Украину, теперь на нее завели дело по личному требованию Бастрыкина. Вот ее история

— Ты осуждаешь тех, кто уехал?

— Я не готова их осуждать, но я считаю, что это безответственное поведение. Удивительно то, что те, кто уехал, больше всех говорят про коллективную вину и коллективную ответственность, но при этом они же сами с себя ответственность снимают. Я знаю людей, которые давно уехали и теперь переживают, что стало со страной.

Но вы сами ничего не делали для того, чтобы страна менялась.

Я понимаю — бежать из-под уголовки. Но, например, уезжают преподаватели — из-за того, что не могут сделать карьеру. Как можно уезжать? Зачем? Чтобы страна деградировала быстрее?

Я, например, очень горжусь, что четыре человека из моей команды, которые несколько месяцев назад в панике уехали, сейчас вернулись — строить жизнь здесь. Кто-то выдвинулся на выборы, как Николай Касьян или мой коллега Илья Львов. Очень много чудесной молодежи сейчас выдвигается [на выборы муниципальных депутатов в Москве] — из тусовки [бывшего кандидата в Госдуму Михаила] Лобанова, из проекта «Пространство „Политика“».

Они не бегут, они остаются. Я иногда думаю: а что, если бы так бежали украинцы? «Ой, ужас, ой, страшно!» Мужество-то надо иметь, нельзя думать только о себе, есть же ответственность перед родиной.

«Все уже случилось. Одного моего друга убили. Другого — отравили и посадили» Илья Яшин — один из немногих оппозиционеров, остающихся в России (и называющих войну войной). «Медуза» поговорила с ним о том, почему он отказался уезжать

Беседовала **Светлана Рейтер**

Мы говорим как есть не только про политику. [Скачайте приложение.](#)

(1) Движение «Голос»

Объявлено в России «иностранным агентом» (как и многие другие организации и люди). Имейте в виду, что во время войны с Украиной в России приняли новый закон: теперь «иноагентом» могут объявить кого угодно.

[Вернуться к тексту](#)
